

Эдуард Говорушко

НЕ ИЗМЕНИВШИЕ СЕБЕ

Драгомировы и другие

Эдуард Говорушко

**Не изменившие себе.
Драгомировы и другие**

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-94
ББК 68

Говорушко Э. Л.

Не изменившие себе. Драгомировы и другие / Э. Л. Говорушко —
«У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-377-8

Михаил Александрович Арагомиров – один из талантливейших военачальников русской истории, крупнейший военный теоретик, атаман Сирко из репинских «Запорожцев», преподаватель и публицист. Именно его книгу, вышедшую в Киеве в 1898 году, получил в подарок Эдуард Говорушко. Судьба книги, проделавшей длинный путь русской эмиграции – из Киева, через Одессу и Батум, через Константинополь, через Неаполь и Рим, через Париж и Ниццу – в маленький «русский» Си-Клиф на берегу Атлантического океана, эта необыкновенная судьба и стала поводом к написанию серии очерков о семье Арагомировых-Лукомских.

УДК 82-94

ББК 68

ISBN 978-5-00095-377-8

© Говорушко Э. Л., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Вместо предисловия. История одного автографа	6
Последнее желание. Историческая повесть	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эдуард Говорушко

Не изменившие себе.

Драгомировы и другие

© Говорушко Э.Л., 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

* * *

Моим друзьям с благодарностью: Анатолию Каменеву – за идею этой книги, Ивару Броду – за помощь в подготовке иллюстративного материала

Вместо предисловия. История одного автографа

С каким-то неизъяснимым душевным трепетом всегда открываю любую книгу, изданную ранее века назад, особенно с автографом. Может быть, потому, что скопила она в себе энергетику целых поколений людей – наборщиков, печатников, автора и сотен держащих ее в руках и читавших до меня. А разглядывая автограф, пытаюсь представить, что чувствовал в этот момент писатель, делавший надпись на титульном листе, а потом узнать побольше не только о нем, но и о том, кто удостоился высокой чести получить такой подарок от автора. Ведь даже капля из океана истории интригует и завораживает.

Сейчас передо мной компактное издание киевского книгопродавца Н.Я. Оглоблина 1898 года в твердом старинном переплете – «М. Драгомиров. Очерки: Разбор «Войны и мира». Русский солдатъ. Наполеон 1-й. Жанна д'Аркъ». Издание книгопродавца Н.Я. Оглоблина». Как водится, есть разрешительная надпись: «Дозволено цензурою. Киев 8 мая 1898 года. Отпечатана в типографии С.В. Кульженко, расположенной на Ново Елисавет. ул. соб. д. 1. Киев. 1898».

На титульном листе – каллиграфическая надпись черной тушью рукой автора: «Княгине Софье Николаевне Барятинской. На добрую память». Подпись автора и дата 4.10.1901 года». На следующей странице портрет очень мудрого на вид человека в генеральском мундире с крестом.

Каюсь, до того я, как, думаю, и большинство моих современников, незаслуженно мало знал о Михаиле Ивановиче Драгомирове. Да, был такой русский генерал, полководец, герой русско-турецкой войны. Вот и все, в общем-то. Что я знал о княгине Софье Михайловне Барятинской? Ничего, кроме того, что носила она фамилию покорителя Кавказа, генерал-фельд-маршала князя Александра Ивановича Барятинского, пленившего легендарного Шамиля.

Мы уже никогда не узнаем, почему Драгомиров решил подарить свою лучшую книгу Софье Михайловне Барятинской, подруге своей дочери, жене своего адъютанта. Просто из уважения, а может, и из-за романтических чувств? Правда, в это время даритель уже перешагнул семидесятилетний возраст, а княгине, которую окружающие признавали очаровательной и нежной, разливавшей жизнь вокруг себя, было только тридцать три. Но ведь еще Пушкин сказал – «любви все возрасты покорны». Можно лишь предположить, что сделать подарок княгине – инициатива генерала, иначе книга вряд ли вернулась бы в его семью. А может, в самый последний момент заслуженный генерал оробел и не решился на такой многозначительный шаг, что опять-таки не исключает романтических чувств.

Из интернета теперь каждый из интересующихся любой знаменитостью может легко узнать ее биографию. Я же, рассказывая в этой короткой повести о генерале Михаиле Ивановиче Драгомирове, буду пользоваться данными практически из первых рук – редкой машинописной рукописью его зятя, генерал-лейтенанта царской армии, участника Первой мировой и Гражданской войн в России Александра Сергеевича Лукомского, одного из организаторов белогвардейской Добровольческой армии, и воспоминаниями внучки Драгомирова, Софьи Александровны Исаковой (Лукомской).

Воспоминания отца и дочери Лукомских позволили мне пятью годами раньше проследить судьбу Софьи Михайловны Драгомировой (Лукомской) – дамы с портретов, написанных выдающимися русскими художниками И. Репиным, В. Серовым и З. Серебряковой (Э. Говорушко, «Дама с портрета», журнал «Москва», № 1, 2012, публикуется здесь с дополнениями).

И вышеупомянутая книга, и рукопись – наследие Софьи Александровны Лукомской, внучки одного генерала и дочери другого. Подарила мне ее Мария Александровна Иордан, вдова Алексея Борисовича Иордана, в семье которых в городке Си-Клиф близ Нью-Йорка на склоне лет жила Софья Александровна. Трудно даже себе представить, сколько и в каких усло-

виях пропутешествовала книга Драгомирова из Киева в США, повторив весь тернистый путь белогвардейских офицеров и их семей.

Добавлю к этому – оба генерала, да и вообще русские генералы царской выучки, писали емким, образным и в то же время точным языком, владение которым представляется качеством врожденным. Признаюсь, мне даже трудно поверить признанию генерала Лукомского в том, что он с первой попытки не поступил в Академию Генерального штаба, потому что провалил экзамен по русскому. Кстати сказать, Мария Александровна Иордан, чистой русской речью которой можно заслушаться, как-то призналась мне, что никогда не изучала русский язык в школе и по учебникам. Только в родительском доме!

Софья Александровна Лукомская-Исакова скончалась в августе 1997 года на 94 году от рождения. Подумать только – мы могли бы встретиться в США, сведи меня судьба с Иорданами на несколько лет раньше!

Живописный поселок Си-Клиф на Лонг-Айленде не без основания считают русским: здесь с начала двадцатых годов обосновались сотни, если не тысячи эмигрантов из России первой и второй волн. Значительная часть воспоминаний посвящена Си-Клифу и его обитателям.

Для этой книги я решил подготовить записки С. А. Лукомской в жанре интервью, к которому опоздал. Тешу себя надеждой, что такой подход позволил не только придать им сюжетную стройность, но и сделать более занимательными. На все мои вопросы я легко нашел ответы, являющиеся точными цитатами из ее воспоминаний.

Есть в этом документе отдельный и довольно обширный раздел, который касается жизни матери и дочери Лукомских в Париже. Особенно интересна, на мой взгляд, та его часть, где описывается жизнь в городе-празднике во время Второй мировой войны, в период немецкой оккупации. Эта часть воспоминаний нуждалась лишь в незначительном редактировании, а потому, подготовив ее к печати, предлагаю читателю целиком под своим названием «Париж всегда Париж».

Части своих воспоминаний сама С. А. Лукомская отделяет одну от другой главным образом названием описываемых мест и датами, чаще всего в очень широком диапазоне. Например, «Париж, 1926-1946 годы» или «США, 1950-1960 годы». Мне такое датирование показалось излишним, так как время прослеживается в контексте повествования, да и в тексте есть ссылки на даты или время года.

Последнее желание. Историческая повесть

О генерале Драгомирове государь вспомнил, а скорее всего, ему напомнил военный министр, когда после тяжелого поражения русской армии под Мукденом в феврале 1905 года был поднят вопрос о смещении бездарного главнокомандующего А. Н. Куропаткина. Семидесятипятилетний генерал Драгомиров, числящийся членом Государственного совета, находился в это время на покое в родовом имении под Конотопом и чувствовал себя неважно. И вдруг в четыре пополудни получает письмо с фельдъегерем от военного министра генерал-адъютанта Виктора Викторовича Сахарова.

Распечатав конверт и прочитав депешу, Михаил Иванович пригласил к себе зятя, приехавшего вместе с женой на короткие каникулы. В кабинете Александр Сергеевич увидел, что тесть сидит за столом с победоносным видом, по привычке поглаживая больное колено.

– Вот министр извещает, что царь готов и может предложить мне должность главнокомандующего войсками на японском театре военных действий, – сообщил Драгомиров с нескрываемым удовлетворением. – Посоветовал подумать над этим... Как думаешь, что я ему скажу?

А почему бы и не согласиться, подумал Лукомский. Михаил Иванович досконально осведомлен о ситуации на японском фронте, так как с самого начала войны пристально отслеживает и анализирует кампанию против японцев, изучает ход отдельных сражений и стычек, получая массу писем с места событий. И не просто любопытства ради, а потому что решил переработать свой учебник тактики. Крупный военный теоретик прекрасно сознает, что сила современного огнестрельного оружия и другие технические усовершенствования непременно должны изменить прежние тактические положения, формы и требования. Знает он и непростительные ошибки нынешнего главнокомандующего, так как не раз анализировал и его действия, и действия командира 1-й японской армии Куроки. Более того, он заранее раскусил тактический план Куроки – парализовать наш флот, высадить десант в Корее и направить его к Лаоляну, тем самым обезопасить себя с этой стороны и – начать осаду Порт-Артура... Так и вышло, но эта тактика японцев оказалась сюрпризом для Куропаткина, которого Михаил Иванович считал главным виновником поражений от японцев.

Важно и другое: старому генералу все еще хватает смелости и решительности при принятии рискованных, но необходимых решений, да и амбиций не занимать. Поразмыслив с минуту, решил, что Драгомиров вряд ли откажется. Ответил, однако, уклончиво:

– На девяносто процентов уверен, что согласитесь, Михаил Иванович! Но это, избави Бог, не совет! Вам решать!

– Почти угадал, но раз министр просит подумать, погожу... Да и утро вечера мудренее – завтра тебе первому откроюсь. Сахаров пишет: если царь не передумает, в Конотоп придет телеграмма, и я должен срочно прибыть в Петербург. А может, твои десять процентов за ночь меня переубедят. А теперь в сад, ноги и мозги поразмять...

Что-что, а мозги у него в порядке и голова ясная, дай бог каждому в этом возрасте, подумал подполковник Лукомский, провожая тестя в сад, в котором с наступлением теплых весенних дней тот проводил все больше и больше времени с блокнотом и книгой в руках.

– Ни моей Соне, ни твоей, прошу, – ни гу-гу – разволнуются раньше времени, а может, и зря, – попросил Михаил Иванович, усаживаясь на свою любимую скамейку.

Фельдъегеря в этом доме появлялись довольно часто, то из Киева, а то из Петербурга, – Драгомиров и на покое старался держать руку на пульсе военной жизни. Дамы к курьерам привыкли и не обратили внимания на очередного. За ужином же Михаил Иванович хотя и светился в ожидании перемен, но источника света не выдал. Лукомский, однако, с радостью заметил, что, встав из-за стола, тесть забыл у кресла свою палку...

* * *

Старый боевой генерал чувствовал, что вряд ли переживет этот год. Но смерти не страшился, как не боялся ее две категории людей: прожившие долгую и успешную жизнь, а также отчаявшиеся и спившиеся неудачники. А кроме того, он выбрал стезю солдатскую, хотя сейчас и в высоком генеральском чине, а солдат всегда живет рядом со смертью.

А вот предсмертных мук опасался. Не нравственных, с совестью у него было все в порядке, а физических. При одной мысли об этом у него начинало ныть раненое колено, словно напоминая о пережитой когда-то боли. Поэтому с недавних пор у него появилась тайная молитва наполовину собственного сочинения: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного, – дай мне смерть быструю, легкую и безболезненную, когда на то будет воля Твоя!»

Впрочем, есть ли физические страдания сильнее боли, которую учинила ему турецкая пуля, раздробившая коленную чашечку? Той, которая часто снится ему до сих пор и которую не дай Бог снова испытать хоть на мгновение.

Но кончину свою генерал не прочь отсрочить, о чем многократно молил Бога. Не то чтобы очень уж хотелось жить в этом состоянии, но Драгомиров спешил закончить главный труд своей жизни – «Курс тактики», по которому обучались все русские офицеры со дня выхода книги в жизнь. Издавался учебник при жизни автора 29 раз. Следующее издание, пусть и посмертное, состоится лишь в случае, если автор успеет переработать курс с учетом требований современных военных кампаний, при использовании войсками новых, не виданных ранее видов оружия. Так он сам решил.

Сон не шел... Как быстро пролетела жизнь! Кажется, только вчера, ну позавчера он, Миша Драгомиров, семнадцатилетний кадет Дворянского полка, получил звание фельдфебеля, а после завершения учебы с отличием стал прапорщиком лейб-гвардии Семеновского полка. А потом годы помчались за годами, как время в ходе сражений, когда в горячности боя не замечаешь, что вдруг потемнело, опустилась ночь и можно расслабиться.

Нет, он не перебирал в памяти звездных вех своей жизни. Окончание Академии Генштаба по первому разряду с золотой медалью, приглашение на профессорскую должность в академии, первая научная публикация, разработка методики по воспитанию войск, встреченной одними с восторгом, другими с желчной завистью, блестящее форсирование Дуная, в котором его 14-я дивизия, подготовленная к войне по этой методике, в боевых условиях показала ее действенность. После того назначение его на должность начальника Академии Генштаба даже недоброжелатели восприняли как закономерное повышение по службе известного военного теоретика и писателя с опытом успешного военачальника. Триумф в Париже, где его лекции встречались овациями, а высшие лица государства устраивали приемы в честь русского генерала и писателя... Дружил и с царями, будучи воспитателем их венценосных детей, одно это уже можно считать наградой, но были и другие, самые высокие в Отечестве, полученные из рук государей. Все, за что ни брался Михаил Драгомиров, – все у него получалось, и, между прочим, без особых затруднений. Будто бы ангел вел его под руку с одной ступени на другую! Только вот ошибся ангел, не отошел от него к сыну Ванечке, когда тот приставил к виску револьвер из-за несчастной любви к Александре, дочке генерала Домонтовича¹... Но как бы в попытке оправдаться ангел послал ему зятя, который стал уважаемым и любимым сыном, а главное – единомышленником и сподвижником.

¹ Александра Михайловна Домонтович (1872-1952), в замужестве Коллонтай, – русская революционерка, после революции 1917 года – министр в советском правительстве, чрезвычайный и полномочный посол СССР.

Много было триумфов на его ратном, мирном и творческом путях, но сейчас, в ожидании где-то задержавшегося сна, воплотились все они просто в счастливое ощущение удавшейся жизни. И вот, похоже, она дает ему еще один шанс... Как дал Бог шанс шестидесятипятилетнему больному Кутузову, призванному победить и изгнать из России Наполеона и... умереть. Даже если услышал Господь его молитву и посылает ему смерть на ратном поле, разве можно от такого отказаться? Умудренный опытом общения с властью предрежащими, хорошо зная переменчивый характер нынешнего государя, Драгомиров жалел, что кто-то другой сейчас является хозяином его судьбы, понимал, что новое назначение еще вилами по воде писано, надежда отправиться на последнюю свою войну остается призрачной. Бог с ней, он не очень-то расстроится в случае отказа, но свой шаг сделает, сам не откажется. Ни за что!

С этим и уснул легким, но недолгим сном, проснувшись на удивление бодрым. И сразу же послал разбудить зятя. Подполковник, направляясь в кабинет, уже догадывался, какое решение принял генерал. И не ошибся.

– Если получу это предложение – соглашусь, – сообщил ему Драгомиров. Лукомский удивился перемене, происшедшей в стареющем генерале за ночь. За столом тесть сидел в белой папаше, в которой любил участвовать в маневрах и даже принимать посетителей в кабинете командующего округом, был торжественно подтянут и воодушевлен.

– Теперь главнокомандующему не нужно гарцевать на коне, не только можно, но и должно управлять войсками издали. Я чувствую, что еще в силах послужить царю и Отечеству! И таких глупых ошибок, как Куропаткин, уж точно не наделаю!

– Нисколько не сомневаюсь, Михаил Иванович, – произнес в ответ Лукомский. – Как и в том, что Куропаткин будет посрамлен, а вы сможете внести перелом в ход кампании...

– Подожди, подожди с гаданием на кофейной гуще. Государь еще решения не принял, и телеграммы я еще не получил. Но коли станется, поедешь со мной. Согласен?

– Спрашиваете!.. Я уже несколько раз писал рапорты с просьбой отправить меня на Дальний Восток. С вами отпустят, вам не откажут.

* * *

Подполковник Лукомский до направления в Киевский военный округ, которым командовал генерал Драгомиров, знал о командующем сравнительно немного. Знал, что тот был прежде профессором кафедры в Академии Генерального штаба, затем начальником академии, что в вопросах обучения и воспитания войск исповедовал заветы Суворова. И, наконец, был осведомлен о том, что обученная им таким образом 14-я пехотная дивизия, с которой Драгомиров участвовал в русско-турецкой войне, под огнем врага быстро и сноровисто навела переправу через Дунай, чем позволила русской армии развить успех. В дальнейшем дивизия блестяще действовала при обороне Шипки. В одном из боев там Драгомиров был тяжело ранен. Эвакуировали генерала с поля боя чуть ли не напрямик на пост начальника Академии Генерального штаба, да еще с орденом Святого Георгия, врученным императором Александром II.

В Академии Генерального штаба ее бывший начальник Драгомиров был, что называется, не на слуху. Новый начальник и преподаватель стратегии Леер не жаловал своего предшественника, и подчиненные это уловили. Тем не менее, а может и потому, в кулуарах ходило много лестных и нелестных историй, а также анекдотов, связанных с бывшим профессором тактики и начальником, свидетельствующих о самобытности и остроумии, независимом нраве острого на язык генерала Драгомирова, о том, что даже царствующие особы опасались его подковырок.

Рассказывали, будто раз после окончания маневров в Красном селе великий князь Николай Николаевич (младший), будучи командиром лейб-гвардии гусарского полка, устроил ужин и пригласил на него начальника Академии Генерального штаба Драгомирова. За ужином они

о чем-то горячо поспорили, и Николай Николаевич позволил себе какую-то резкость. Присутствующие затихли в ожидании ответа. Михаил Иванович очень сильно и в резких выражениях отчитал великого князя, а потом встал из-за стола и ушел.

Утром следующего дня великий князь прислал к Драгомирову одного из генералов побеседовать по поводу происшедшего. Выслушав генерала, Михаил Иванович произнес:

– Передайте великому князю, что, по-видимому, кто-то переврал все то, что произошло. Помню, что выпито было много. Но совершенно не помню и не допускаю даже мысли, чтобы великий князь позволил себе какую-то резкость по отношению к генерал-адъютанту, который много старше его годами и чином. Не могу допустить и того, что я позволил себе резкость по отношению к великому князю... Надо считать, что ничего не было.

У двух вышеупомянутых спорщиков навсегда сохранились хорошие отношения, а другим этот случай стал предостережением, что с Драгомировым надо быть очень осторожным – он никому не позволит наступить себе на ногу, независимо от авторитета и положения пытающегося это сделать.

Нашумевший разбор «Войны и мира» Драгомирова Лукомский прочитал еще подпоручиком. Выходило, что и граф наступил на ногу военному ученому, философу и патриоту, а тот не стерпел. При этом будущий генштабист был покорен логикой и системой взглядов Драгомирова и по наивности счел, что граф Толстой чуть ли не обязан был переписать свой великий роман после таких справедливых комментариев.

Позже, уже в Киевском военном округе, Лукомский более подробно познакомился с биографией и послужным списком командующего. Блестящая карьера сына небогатого дворянина из захолустья, выходца из Сербии восхитила его. Лучший ученик у дьячка в конотопской школе, курс фельдфебелей в Дворянском полку с отличием, лучший прапорщик в престижном лейб-гвардии Семеновском полку, Академия Генерального штаба с золотой медалью, второй за всю ее историю, служба в Генштабе и одновременно чтение лекций в альма-матер, высокая честь стать штатным профессором тактики и военной истории здесь же...

«Что им двигало и движет? – не раз задумывался Лукомский. – Только ли амбициозность провинциала? Вряд ли». Скорее всего, генералу просто подфартило ступить на любимую стезю и освоить военное дело, служение которому на благо Отечества приносило и приносит истинное удовлетворение и счастье. А награды и чины пришли как бы сами собой. Тесть однажды подтвердил это предположение, признавшись, что, как сын участника войны с Наполеоном, никогда не представлял себя в другой профессии.

«Как и я сам, впрочем, – подумал Лукомский, – не зря же мы так быстро сошлись...»

* * *

Штабс-капитан Александр Лукомский, закончивший с отличием Академию Генерального штаба, впервые увидел генерала Драгомирова, когда с группой новоявленных офицеров Генштаба был прикомандирован, как бы сейчас сказали, в качестве стажера к штабу Киевского военного округа. Округ, которому генерал Драгомиров в разных должностях отдал десятки лет своей жизни, был лучшим в России.

Недели через две после распределения по разным отделениям штаба округа новичкам сообщили, что они должны быть представлены генерал-адъютанту Драгомирову, а посему в назначенное время должны явиться в дом командующего войсками в полной парадной форме.

Штабс-капитан Лукомский был уже далеко не юношей, успел послужить, жениться и потерять жену, оставшись с пятилетней дочерью. Но, как и все новоиспеченные генштабисты, волновался в приемной в ожидании генерала. Говорили, что Драгомиров любит огорошить новичков неожиданным вопросом, а потому он боялся опростоволоситься.

Офицеры Генштаба выстроились вдоль левой стены просторной приемной Драгомирова. Начальник штаба округа генерал Шимановский с удовлетворением оглядел красавцев и попросил дежурного адъютанта князя Барятинского доложить о них генералу. Тот сразу же скрылся за массивной двустворчатой дверью, ведущей в кабинет генерала, и через минуту пригласил туда Шимановского. С правой стороны на расстоянии около метра от двери висел портрет государя в полный рост, с левой – генералиссимуса Суворова, поклонником и последователем которого считался генерал Драгомиров. Под портретом царя полукругом стояли девять стульев по числу приглашенных офицеров и их новых начальников, генералов Шимановского и Рузского.

Командующий округом появился в проеме двери неожиданно для Лукомского. При своей тучноватости генерал довольно резво направился к офицерам, прихрамывая и опираясь на палку. Был он среднего, а может, и немного ниже среднего роста. Если отвлечься от мундира с орденом Святого Андрея Первозванного, чертами лица с усами и седыми висками генерал действительно напоминал атамана Ивана Сирко, писанного Репиным с него для картины «Запорожцы». Вот только был генерал добродушен и приветлив, в отличие от своего изображения на картине, глаза его светились искренним и радушным любопытством к представителям нового поколения генштабистов.

Генерал Драгомиров действительно пребывал в хорошем настроении. В жизни каждого целеустремленного и успешного человека рано или поздно появляется отрезок времени, когда он позволяет себе поживать на лаврах, скажем так. Драгомиров считал, что у него как раз и наступил такой период – все в округе налажено, все идет своим чередом.

За прошедшие годы со дня своего назначения командующим генерал стал решительно избавляться в своем окружении от неучей, лодырей и явных мерзавцев и привлекать в округ толковых и знающих генералов и офицеров. Самыми важными критериями при этом были любовь к военному делу, желание служить Отчизне и исполнять свои обязанности не за страх, а за совесть, воспитывать и обучать солдат с пониманием того, что солдат-человек, обладающий умом, волей и чувствами. От командира требуется умение развивать его природные качества, относясь к нему с полным уважением. Конечно же, нажил много врагов среди тех, кто вынужден был перевестись в другой округ или выйти в отставку, а также среди их влиятельных покровителей. Но генерала это мало заботило, он был выше пересудов, слухи и наветы, казалось, отскакивали от него рикошетом, главное – добиться поставленной цели. Она и была вскоре достигнута: команда Драгомирова работала как хорошо отлаженный часовой механизм: каждый на своем месте четко исполнял порученное дело. Округ считался первым не только по уровню подготовки войск, но и по готовности к мобилизации и передислокации войск и службы тыла к границе с Австро-Венгрией – на случай войны.

В тот день настроение Драгомирову поднял и французский подполковник Анри Ниссель, прибывший ознакомиться с Киевским военным округом. Иностраный визитер рассыпался в комплиментах генералу по поводу его французского языка, статей и книг и был очень удивлен, когда тот в ответ на комплименты ответил, что французский, как и немецкий, он изучил самостоятельно.

Тем не менее вряд ли кто, кроме самого Драгомирова, наблюдая за его распорядком дня, сможет согласиться с тем, будто генерал поживает на лаврах. Регулярные поездки в корпуса, личные проверки знания и соблюдения гарнизонного устава с последующими разборами, плановые и внеплановые учения и маневры с максимальным приближением к боевой обстановке под руководством самого командующего. При этом, случалось, все валились с ног, а неутомимый Драгомиров – на коне.

– Ну, это уже рутина, движение по скучной накатанной колее, – благодушно усмехнется генерал. – Самое важное – ее накатать...

На самом деле он понимал и важность рутины – ежедневного и неукоснительного выполнения своих должностных функций: именно она помогает постоянно поддерживать в частях тот самый боевой дух, боеготовность, которых не без труда и настойчивости удастся добиться. Рутинная – это автоматизм, с которым профессионал исполняет свой долг, что позволяет освободить мозг для новых идей и творческих замыслов.

Неоценимую помощь человеку оказывает рутинная, когда в душе провал и она ни к чему не расположена, когда ничего делать и ни о чем думать не хочется. Тут рутинные обязанности перед собой и перед своим делом просто спасают, вытягивают постепенно из повседневных дел и забот в построение новых творческих планов и занятий.

В свободное от мобилизующей ум и волю рутины время Драгомиров читал и переводил с французского, а в эти дни готовил к печати в издательстве В. Березовского в Петербурге сборник «Четырнадцать лет», в который вошли оригинальные и переводные его статьи, а также книгу «Очерки» для издания киевским книгопродавцем Н. Оглоблиным. Здесь он решил собрать самые дорогие для него вещи – «Разбор „Войны и мира“», эссе «Русский солдат», «Наполеон I» и «Жанна д'Арк».

Встречу и знакомство с новичками, офицерами Генштаба, прикомандированными к округу, генерал воспринимал как нерутинную, с любопытством и интересом: она давала ему возможность не только вспомнить себя в начале карьеры, но и оценить перспективность будущих военачальников, а также уровень подготовки в нынешней академии.

– Господа офицеры! – скомандовал генерал-квартирмейстер Рузский, который должен был представлять их Драгомирову. Все подтянулись.

– Отставить, – произнес подошедший к шеренге генерал. – Вижу, молодцы. Обойдемся без формальностей.

Он остановился у стоящего первым и пристально посмотрел на него.

– Штабс-капитан Эрдели, – представил его генерал Рузский. Драгомиров пожал офицеру руку и, обращаясь к нему, спросил:

– А по имени-отчеству?

– Иван Егорович! С вашего позволения, господин генерал.

– Позволяю, – улыбнулся Драгомиров. – Расскажите, Иван Георгиевич, где довелось послужить, с какими результатами закончили академию, почему решили прибыть в наш округ...

А потом, отведя взгляд от Эрдели, обратился ко всем:

– Чтобы не терять время, приготовьтесь и вы кратко ответить на эти же вопросы.

Когда его взгляд остановился на Лукомском и Рузский произнес его фамилию, тот внятной скороговоркой отрапортовал:

– Александр Сергеевич. Служил в 11-м саперном батальоне императора Николая I. За отличные успехи в науках недавно произведен в штабс-капитаны. Хотел и рад возможности обучиться служению Отечеству в лучшем военном округе России!

– Надеюсь, вы, штабс-капитан, далеки от лести и действительно так думаете и, послужив здесь, не передумаете, – просто произнес генерал, вроде бы и не приняв комплимента.

Лукомскому понравилась такая реакция. Понравился и генерал доброжелательностью и искренностью.

Познакомившись со всеми, Драгомиров пригласил их занять стулья у противоположной стороны. Ординарец в сопровождении адъютанта генерала, князя Барятинского, вынес из его кабинета и установил кресло Драгомирова. На взгляд Лукомского, оно ничем не отличалось от тех двух, что стояли у стола в приемной, но, видимо, генерал привык к своему и чувствовал разницу.

– Прошу вас, господа, занять места, я хочу побеседовать с вами относительно службы при моем штабе.

Подождал, пока все рассядутся, и направился к своему креслу. И вдруг остановился, осененный какой-то мыслью, а потом, чуть улыбнувшись, произнес:

– Э, нет, знаете что, – придется передислоцироваться к другой стене. Негоже сидеть, когда государь император стоит! Князь, пожалуйста, распорядитесь.

Пока стулья передвигались на другую сторону приемной, Лукомский наблюдал за Драгомировым, силясь понять, пошутил он над императором или всерьез счел непочтительным сидеть перед портретом, но так ничего и не решил. Вспоминая этот эпизод спустя несколько лет, когда уже получше узнал генерала в военной и домашней обстановке, став зятем командующего, осознал – Драгомиров тогда скорее пошутил. Тесть был ревностным сторонником и защитником монархии, уважал Александра II, хотя ко многим его реформам и потворству либералам относился с настороженностью. Преклонялся перед мощью и волей Александра III, сумевшего добиться для России высокого международного авторитета, однако скорбел, видя слабование Николая II и постепенное расшатывание престижа царской власти.

Кстати сказать, Александр III благоволил и покровительствовал Драгомирову, не давая его в обиду. Интересный факт: когда у генерала родился младший сын, родители хотели назвать его Николаем. Неожиданно, однако, получили известие, что крестником пожелал стать сам император Александр III. И мальчика назвали Александром, пренебрегли даже расхожим суеверием, что второго ребенка нельзя называть именем ранее умершего, ибо и этот не выживет.

Интригующее лукавство командующего по поводу портрета ему понравилось, стало еще одним штрихом к формирующемуся образу Драгомирова, человека реального, честного и искреннего, служаки, но не без изюминки.

Когда все передислоцировались на новое место, Драгомиров удобно разместился в своем кресле, прислонив к нему трость. Лукомский увидел, что генерал почувствовал явное облегчение, и понял, что колено, простреленное почти двадцать лет назад, все еще заставляет его страдать.

– Ну вот, а теперь поговорим о том, чего требует служба от офицеров Генерального штаба, которыми вы теперь, и, надеюсь, надолго, являетесь...

Драгомиров, как показалось Лукомскому, не давал наставлений, не поучал, а как бы рассказывал о пережитом и наболевшем. Перед ним был преданный Отечеству солдат в генеральском мундире, которому досконально известно – в теории и на собственном опыте, – что требуется сейчас и потребуется в будущем Отечеству как от него самого, так и от них, начинающих офицеров Генерального штаба. Вот самое важное...

– Офицер Генерального штаба – правая рука командования в воспитании, обучении и управлении войсками, в высших же штабах они ответственны за подготовку к войне. Войну мы вместе с графом Толстым ненавидим и считаем тягчайшим бедствием на земле, но, в отличие от него, понимаем: к несчастью, пока живо человечество, войны неизбежны. Значит, чтобы сохранить Отечество и народ, армия, флот и сам народ должны быть начеку. При должности начальника штаба, которую вы рано или поздно обретете, каждый из вас, учтите, должен быть со своим командиром как жена с мужем – между ними не должно быть секретов, только полное доверие и единомыслие в работе. К строевым офицерам и их заботам офицеру Генерального штаба надо быть всегда благожелательным, стараться смягчать все недоразумения, если таковые возникнут между старшим командиром и его подчиненными... Усвойте себе: только при дружной и совместной работе штабов со строем армия сильна!

Произнося такие слова, сам генерал сидел в своем кресле полуразвалившись, и, может, именно оттого все им сказанное воспринималось как отцовский совет сыновьям. А Лукомскому ни с того ни с сего вспомнился Лермонтов с его «Скажи-ка, дядя...».

И вдруг Драгомиров приподнялся с кресла и выпрямился, опираясь на палку; густые брови нахмурились, взгляд посуровел. Как по команде, встали со стульев офицеры, в том числе

генералы Шимановский и Рузский. Лукомский решил, что это конец аудиенции. И действительно, Драгомиров неожиданно жестким голосом произнес заключительную фразу:

– Имейте в виду, я беспощадно преследую и буду преследовать офицеров Генерального штаба, которые не понимают своей роли по отношению к строю! Очень надеюсь, что среди вас таких нет, но выяснится это в процессе нашей совместной службы, за которой, поверьте, буду следить! Удачи вам, господа!

Он бы многое мог им еще рассказать. О пользе той же рутины, например, и необходимости самообразования, о том, как надо использовать в молодости время, которого так не хватает в старости, о взаимовыручке в бою, о том, как важно в такие моменты иметь надежный тыл, полностью рассчитывать на подчиненных, на преданность нижних чинов, которую тоже нужно уметь заслужить. Но, как военный педагог, любил доходчивую краткость, да и, чего скрывать, боялся показаться занудным. И, конечно же, невдомек было заслуженному генералу, что в этой группе выпускников Генштаба окажется тот, кто станет не только самым внимательным и благодарным его собеседником, не только преданным поклонником, но и ходатаем в истории, защитником его доброго имени.

Позже Лукомский убедился, что генералы, да и большинство офицеров, подчиненных Драгомирова, с большим пиететом относятся к своему командующему и его методике подготовки и воспитания войск, полностью доверяют ему. Генерал Рузский, например, прежде всего потребовал от них, причисленных к Генштабу, изучения всех приказов командира 14-й пехотной дивизии Драгомирова, изданных со дня его назначения и до Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, а также его приказов во время командования Киевским военным округом. По мнению Рузского, который постоянно экзаменовал офицеров по этой теме, приказы Драгомирова отлично демонстрируют, как создать хорошо спаянную и боеспособную дивизию за короткое время.

Нижние же чины чтят своего командующего, который в первом же приказе в должности начальника дивизии резко и впервые в российской армии того времени выступил против случаев рукоприкладства как со стороны офицеров, так и со стороны фельдфебелей, унтеров и дядек. Драгомиров требовал от офицеров и других командиров уважать солдата и заботиться о нем и сам неоднократно демонстрировал примеры такого отношения во время учебных походов и маневров.

* * *

Свою первую встречу с Драгомировым Александр Сергеевич Лукомский запомнил надолго. Именно тогда в нем зародилась поначалу неосознанная симпатия к этому человеку, которая со временем переросла во вполне осознанное уважение и почитание. Драгомиров не играл в Суворова, он и в самом деле был прямым, честным и справедливым, несмотря на все свои должности и регалии, простым и доступным. И когда в 1902 году старший адъютант штаба Киевского военного округа Александр Сергеевич Лукомский предложил руку и сердце Софье Михайловне Драгомировой, он, по сути, предложил себя и ее отцу в качестве не только преданного и последовательного ученика, но и сына.

Случилось это лишь на пятый год после первой встречи с Драгомировым. Хотя и Лукомский был свободен, и красавица дочь командующего округом, пользующаяся большим вниманием среди молодых людей в киевском обществе, тем не менее была не замужем. Лукомского познакомили с ней на балу у баронессы Яшвилль супруги Барятинские: обе Софьи, княгиня Софья Николаевна Барятинская и Софья Михайловна Драгомирова, приятельствовали.

Александр Сергеевичу тогда и в голову не могло прийти, что знакомство не случайно, что дочь Драгомирова им заинтересовалась. Но когда, отслужив почти год в Проскурове, он вернулся в Киев и после ряда необязательных встреч на званых обедах и ужинах ему передали

приглашение в дом командующего на празднование дня рождения Софьи Михайловны, такая мысль все же посетила его. Обдумав, понял, что романа не получится – он просто не рискнет ухаживать за дочерью командующего округом, да и она вряд ли всерьез примет ухаживание – слишком уж здесь пахнет меркантильностью, вернее, карьерными мотивами. Вместе с тем понял и другое – почему красавица Софья Михайловна, как говорят, засиделась в барышнях, вращаясь большей частью в офицерском кругу, а серьезные люди из этого круга, как и он сам, если еще не были женаты, боялись подобного же упрека в меркантильности. Явных же искателей счастья за чужой счет умница Софья Михайловна раскусывала и отсеивала сразу же. Да и ее отец как бы насквозь видел каждого притязавшего на сердце дочери.

Тем не менее летом 1902 года Александр Сергеевич решился. К этому времени он уже стал завсегдатаем в семье командующего, получая приглашения от самого Михаила Ивановича и Софьи Абрамовны, и как-то незаметно стал здесь своим. Сама атмосфера в этом хлебосольном доме была настолько искренне-дружеской и гостеприимной, что просто нельзя было не перенять такого же тона. Великолепная кухня Софьи Абрамовны – она в это время задумала написать кулинарную книгу и испробовала свои и народные рецепты на гостях, к их неизъяснимо-удовольствию, – умные веселые люди, которые тянулись к Драгомирову, он сам с его остроумными высказываниями и историями за столом, занимательные беседы с генералом с глазу на глаз делали для Лукомского посещение этого дома необычайно притягательным. Узнав генерала не в узком, а скорее в широком семейном кругу, Лукомский был совсем и навсегда им очарован. Его преданность Отечеству, забота о его безопасности и сильной армии были отнюдь не для публики, не показными, а настоящими. Не случайно пятеро его сыновей выбрали стезю военную и успешно продвигались по службе.

Конечно же, не мог он не заметить внимания и предпочтения среди других гостей, оказываемого ему Софьей Михайловной. В конце концов почти тридцатипятилетний подполковник, которого Софья Михайловна пригласила на прогулку в сад, заикаясь и запинаясь, попросил разрешения задать ей один не совсем обычный вопрос.

– Скажите, Софья Михайловна, вы не сочтете за дерзость или за желание сделать карьеру с помощью Михаила Ивановича, если я сделаю вам предложение стать моей женой?

– Сделайте, Александр Сергеевич! Вы же знаете, я буду только рада!

– Я люблю вас, Софья Михайловна, будьте, пожалуйста, моей женой и матерью моей Зиночке.

Когда в этот же вечер они предстали перед Драгомировым, тот обрадовался:

– Ну вот, наконец-то, а то я уже по солдатской привычке хотел взять процесс в свои руки и практически предложить тебе, Александр Сергеевич, свою дочь в жены. Посмотри на ее мать – Сонечка будет тебе такой же преданной супругой, как и Софья Абрамовна мне. Все понимающей, не задающей лишних вопросов, готовой за тобой в огонь и в воду! Она моя дочь, а Драгомировы никогда не были и не будут предателями.

А потом по очереди расцеловал обоих.

В который уже раз Михаил Иванович покорила будущего зятя своей прямоотой и открытостью.

* * *

Став зятем генерала, Лукомский постепенно познал и другую сторону медали его успешной научной и военной деятельности. После публикации разбора «Войны и мира», а также своей системы патриотического воспитания и обучения войск Драгомирову приходилось отбиваться от нападков противников своего учения. Несмотря на громадный авторитет, вся его деятельность со стороны очень и очень многих встречала постоянное сопротивление, активное, а где такового нельзя проявить – пассивное. Правда, споры с оппонентами в военных и историче-

ских журналах только добавляли ему задора и куража, помогая в теоретическом обосновании и развитии своего учения, а также внедрении его в войсках. А вот наветы и ложь со стороны недоброжелателей по поводу учения, особенностей характера и практической деятельности самого Драгомирова попортили ему немало крови, хотя в этом он предпочитал не признаваться даже себе. Как бороться с такими ударами ниже пояса? Михаил Иванович выбрал самый правильный путь – довольно успешно делал вид, будто их не замечает. Но зятю не раз жаловался:

– Проводить мои идеи и реформировать армию чрезвычайно трудно, понимают и поддерживают только единицы, а масса или враждебна, или пассивна. Но надо – к пользе армии и Отечества.

А сколько людей искренне верили и верят в такие небылицы, а также в специально извращенное и извращаемое толкование учения Драгомирова! В то, например, будто умница-генерал, блестящий военный теоретик и писатель, был противником современного огнестрельного оружия и других технических усовершенствований в войсках. Абсурд! Драгомиров воевал не против технических новшеств в войсках, а против тенденции ставить технику выше духа, поставить машину в армии выше человека. Многие искренне заблуждаются и в том, что в своей практике Драгомиров якобы принижал офицеров и слишком носился с солдатами.

Среди таких «добросовестно» в эту глупость веривших и рассказывавших в эмиграции был даже генерал-лейтенант Розанов, который при Драгомирове служил в Киевском военном округе офицером Генерального штаба.

В конце 1928 года в Ницце, будучи во Франции помощником великого князя Николая Николаевича (младшего), генерал-лейтенант Лукомский услышал от генерала А. П. Кутепова две истории о пьянстве генерала Драгомирова. Первая: будто бы Михаил Иванович в 1893 году забыл поздравить с днем рождения царя Александра III. Вспомнил лишь через три дня и тут же отправил ему телеграмму: «Уже три дня пью здоровье вашего императорского величества!» Государь якобы ответил: «Пора перестать!»

Александр Сергеевичу ничего не стоило ее опровергнуть: генерал сам когда-то пояснил ему, что эта выдумка!

Вторая о том, что будто бы командующий Киевским округом Драгомиров, загулявший у себя на квартире чуть ли не до утра с группой офицеров, с рассветом отправился в полк под Киевом и поднял войска по тревоге на маневры. А сам, пьяный, еле забрался на лошадь, с которой чуть погода свалился на глазах у подчиненных.

Александр Сергеевич тут же рассказал, что ему уже приходилось через год после смерти Драгомирова опровергать этот злокозненный пасквиль, услышанный им впервые от генерала Владимира Дмитриевича Сахарова, который был в то время командиром 7-го армейского корпуса в Симферополе. Лукомский, уже в чине полковника, был там в командировке по мобилизационным делам и удостоился чести быть приглашенным к Сахарову домой, на обед.

– Драгомиров, бесспорно, очень талантлив как военачальник и писатель, но своим безобразным пьянством он развращал войска округа и принес много вреда нашему военному делу, – высказался Сахаров, сам уже к этому времени изрядно выпивший, как и его супруга.

Надо ли говорить, что полковника удивила и возмутила подобная характеристика, данная его кумиру. С Драгомировым знаком и близок почти восемь лет и ни разу за это время не видел этого человека пьяным. Да, покойный тесть был жизнелюбом, любил жизнь во всех проявлениях – охоту, хорошее вино и водку в компании близких и приятных ему людей, единомышленников и соратников. Вино его, как говорится, заводило, делало разговорчивее, остромнее, галантнее.

Но лишь однажды во время застолья в просторном доме командующего Михаил Иванович, извинившись, на короткое время покинул стол и вышел в сад. Дочерям Соне и Кате показалось, что отец почувствовал себя неважно. Потихоньку, прячась в темноте за деревьями, обе пошли за ним. Михаил Иванович, однако, обнаружил слежку, подозвал к себе дочерей и велел

отправиться в дом. А минут через десять вернулся в зал, сел за стол и оставался бодрым в течение всего вечера. Как это часто бывало, вечер закончился игрой в винт, большим любителем которой был Драгомиров.

Как-то Лукомский даже подумал, что у Михаила Ивановича не только богатырское здоровье, но и какой-то счастливый состав крови – не пьянеет. А приглядевшись, вместе с тем узнал застольный секрет генерала: точно знает свой последний бокал, свою норму и неукоснительно ее соблюдает.

И только узнав, что Лукомский – зять Драгомирова, а следовательно, хорошо его знает не только как командующего войсками, но и в частной жизни, Сахаров смутился и фактически взял свои слова обратно. А ведь распространял лживые, не проверенные им самим сведения не просто офицер, а корпусный командир русской армии, родной брат друга Михаила Ивановича!

Откуда же, однако, этот столь устойчивый феномен недоброжелательности не только к генералу Драгомирову, но и к его учению? – не раз задумывался в эмиграции генерал Лукомский. И пришел к такому выводу: наиболее талантливые и влиятельные враги из так или иначе задетых Драгомировым офицеров не сумели поставить интересы войск выше личных обид. Травлю против самого Михаила Ивановича им удалось искусно перенаправить и против его учения. Кой-кого из будущих недоброжелательных оппонентов Драгомиров в свое время наказал за недобросовестное отношение к службе, хозяйственные нарушения или очковитительство, с другими – противившимися на практике его учению о воспитании солдат, – отказался вместе служить и вынудил подать в отставку. И, конечно же, зависть, этот универсальный движитель ненависти. Кто такой Драгомиров? Сын небогатого дворянина, без связей, без покровительства. Выскочка! Да при этом еще смеет учить нас жить и воевать!

А затем уже стая мелких шавок, извращая идеи генерала, распространяла ложные сведения о них и о нем самом, смущая умы рядового офицерства. Тем более что большинство из недоброжелателей Драгомирова не давали и не дают себе труда познакомиться с его статьями и книгами.

* * *

Приняв принципиальное решение о согласии стать командующим войсками на Дальнем Востоке, Драгомиров в этот же день связался с командующим войсками округа и сообщил о том, что ему придется в ближайшие дни выехать в столицу, а потому попросил прислать в Конотоп вагон-салон.

Телеграмма непосредственно от Николая II с вызовом в Петербург пришла дня через два. Михаил Иванович был воодушевлен и в тот же день вместе с подполковником Лукомским и другими сопровождающими офицерами отправился в столицу.

В новое назначение Драгомиров верил и не верил, но духом был бодр. Тайну его поездки в Петербург в вагоне-салоне знали только они, остальные лишь недоумевали, куда девались слабость и недоумогание, которые испытывал генерал-адъютант в последнее время. Михаил Иванович то уединялся с зятем, чтобы обсудить с ним различные аспекты войны с японцами, то, махнув рукой, садился играть в винт. Лукомский в этот момент осознавал – тесть снова разуверился в назначении.

В один из таких моментов, когда и в винт не игралось, Драгомиров признался:

– Боюсь, передумает – качается Николай из стороны в сторону, не знаешь, откуда ветер подует. Не то что его покойный батюшка. Хорошо все же, что мы никому не похвастались...

Надо было как-то отвлечь человека от грустных мыслей. И тут подполковника осенило: в его записной книжке скопилось изрядное количество различных историй и анекдотов, ходивших про тестя. Давно собирался справиться про их достоверность у самого Михаила Ивано-

веча. Лучше случай вряд ли представится: поезд идет в ночь, обо всем переговорено, да и спать еще рановато. Улучив удобную минуту, как бы между делом спросил:

– Давно, Михаил Иванович, собираюсь проверить несколько историй и анекдотов про вас, было такое или сочинили? Может быть, сейчас?

– Давай, глядишь, и время подгоним, – легко согласился Драгомиров. – Только давай перейдем в опочивальню, поближе к дивану...

В спальне Михаил Иванович, попросив разрешения, снял мундир и полулег на диван. Лукомский устроился с записной книжкой напротив. Мерно стучали колеса, тускло горела лампа, было покойно и уютно.

– Начну с самого давнего. Говорят, в бытность начальником академии вы пригласили композитора Цезаря Кюи, который к тому же был и известным военным инженером, прочесть четыре лекции. Но в плане, представленном вам на рассмотрение, Кюи обозначил только три лекции по инженерной тематике. Тогда вы своей рукой добавили в план четвертую, а в качестве темы обозначили: «Влияние музыки на инженерное искусство на примере осады Иерихона».

– Да, Цезарь Антонович хотя и удивился изрядно, но намек понял и одну из своих лекции посвятил музыке и музыкальному самообразованию, что считаю очень полезным для офицера императорской армии.

– Еще в Академии сам слышал, будто вы, напутствуя выпускников в неформальной обстановке, дали такой своеобразный совет: «Если у тебя начальник – голова, исполняй приказание в точности. Если же начальник – жопа, выслушай почтительно, но сделай по-своему, однако и виду не подавай, что идея твоя, а не его».

– И сейчас не отказываюсь от этих слов, очень важных для карьеры толкового офицера. И себе вреда не нанесет, и Отчизне пользу принесет!

– В бытность вашу уже генерал-губернатором и командующим округом архиепископ и ректор Киевской духовной академии Платон по поручению городской либеральной интеллигенции пришел к вам просить за революционеров, преданных военно-полевому суду.

Вы его очень любезно приняли, выслушали... А потом будто бы ни с того ни с сего заговорили о беспорядках в духовной академии и стали ему советовать, как поступать...

Архиепископ Платон взволновался:

– Ваше высокопревосходительство, простите, но ведь эти вопросы касаются только меня как ректора академии, а никак не вас как генерал-губернатора и командующего войсками...

– Так... А тот вопрос, который вы, владыка, изволили возбудить, – касается вас как ректора академии или меня как правителя края и командующего войсками?..

Архиепископ смутился и поспешно ретировался...

– Да, было такое, – подтвердил Драгомиров не без удовольствия. – Архиепископ, деликатный и отзывчивый человек, просто малодушно поддался на уговоры наших записных либералов и пришел с этим ходатайством. К его чести, он все прекрасно понял, и мы с ним остались друзьями.

– Будто бы во время игры в винт в вашем доме все три ваших партнера-еврея по очереди сказали: «Je dispasse» («Я пасую» [Же дипасс]). Вы, когда дошла до вас очередь, будто бы ответили репликой: «Ну, раз жида пас, то и я пас. Жиды, знаете ли, знают, что они делают».

– Что же тут остроумного? Такого быть не могло, так как не учтено свойство моего характера: я в своем доме хозяин, старающийся всегда быть с гостями вежливым, и уж никогда не веду себя по-хамски и никогда гостей не оскорбляю... К тому же никогда не было, чтобы все мои партнеры были евреями... Думаю, сочинен этот анекдот, чтобы подчеркнуть, что Драгомиров близок с евреями.

– Приехал вам представляться какой-то важный остзейский барон со сложной, многоэтажной фамилией. В приемной вместо адъютанта дежурил унтер-офицер, и немец громко стал его обучать, как его представить генерал-губернатору, заставляя повторить его сложную

фамилию несколько раз. Очевидно, дверь в кабинет была закрыта неплотно, и вы все слышали. Убедившись, что унтер-офицер зазубрил фамилию, барон удовлетворенно произнес: «Хорошо, а теперь иди и доложи, что я приехал».

Унтер при открытой двери в кабинет отчетливо выговорил вызубренную фамилию. А вы на это якобы громко возгласили: «Проси всех четырех!»

– Да, было, к сожалению. Ради красного словца, как говорится, не пожалеешь и отца. Немец был очень обижен, пришлось сделать вид, будто я действительно решил, что в приемной четверо... С другой стороны, сам виноват – порядочно унтера измучил своей дрессировкой. Не удивлюсь, что тем самым я нажил себе очередного врага...

– Во время прогулки по городскому саду в сопровождении адъютанта вы будто бы наткнулись на интимную сценку: ухаживая за дивчиной, солдат запустил обе руки за пазуху. Увидев командующего, солдат страшно растерялся и замер с руками в прежнем месте.

А вы будто бы, остановившись, похвалили: «Молодец, действуешь по уставу. Раз руки заняты – правильно отдаешь честь глазами...»

– Да, я наскочил на такую сценку, но только не похвалил солдата, а изрядно отругал. Переверали. Думаю, для того, чтобы лишний раз показать, что Драгомиров потворствует солдатам. Удивляюсь, что не придумали какой-нибудь аналогичный случай с офицером, показать – вот офицерам-то я не спускаю!

Вот тебе два аналогичных случая. Во время маневров догоняю в коляске одну из частей, идущую по дороге в походном порядке. На обочине сидит солдат. Приказываю кучеру остановиться и спрашиваю, чего он тут уселся. Оказывается, сильно натер ноги и идти не может. «Отчего же не сел в санитарную линейку?» – «Так что, ваше превосходительство, господин фельдфебель не позволил». – «Снимай сапоги и портянки и покажи ноги». Вижу, портянки обернуты кое-как, ноги грязные и порядочно стерты. Приказываю обуться и сесть в мой экипаж и догоняю идущую впереди часть. Останавливаю, требую к себе командиров полка, батальона, роты, взводного и господина фельдфебеля. Демонстрирую ноги солдата, браню как следует за невыполнение моих постоянных указаний о наблюдении за солдатскими ногами и, в частности, за то, что фельдфебель не разрешил солдату сесть в санитарную линейку...

В другой раз в аналогичной ситуации вижу солдата не в строю, а на повозке. «Почему не в строю?» – «Так что, ваше превосходительство, ноги натер». – «Слезай с повозки и разувайся». Неохотно слезает, снимает сапоги и портянки. Ноги в полном ажуре... Не выдерживаю, обругал как следует лентяя и обманщика и в сердцах несколько раз огрел его палкой...

Как думаешь, о каком случае шла молва? Конечно, о первом. Я, мол, не имел права в присутствии нижних чинов делать выговор офицерам из-за какого-то солдата. И никто никогда не сказал, что я вопреки своему приказу о пресечении рукоприкладства сам огрел солдата палкой...

Да, ладно, прости, что отвлек... Допекла несправедливая молва, а кому еще это расскажешь, как не тебе?

– Спасибо, Михаил Иванович, за доверие! И не берите в голову, собака лает, караван идет, и это главное...

– Я и не беру. Так... К слову пришлось. Что там еще в твоём кондуите?

– Какой-то крупный гражданский столичный сановник с титулом «высокопревосходительство», прибывший в Киев, поехал с визитом к генерал-губернатору и приказал о себе доложить: генерал такой-то... Вы его любезно приняли, а когда нанесли ответный визит, приказали доложить: архиерей Драгомиров!

А на недоуменный вопрос удивленного сановника якобы ответили: простите меня, ваше превосходительство, вы изволили пошутить, приказав доложить мне о себе как о генерале, а я позволил себе пошутить, назвав себя архиереем...

– Из той же серии о красном словце... Думаю, «генерал» затаил на меня обиду и где-нибудь в салоне сочинил про меня очередную гадость. Но с ним я больше, к счастью, не сталкивался.

– «Драгомиров приехал в Полтаву на смотр одной из частей. Вечером в его вагоне собрались несколько старших чинов городской администрации. Стали играть в винт. Среди них был господин Икс, бывший адъютант одной высокой особы, славившийся тем, что был в молодости недостаточно грамотен и часто путал мужской пол с женским.

Драгомирову в тот вечер очень не везло. Когда кончился роббер и по картам он мог выбрать место, он все же остался там, где сидел. Тогда Икс говорит:

– Ваше высокопревосходительство, вам на этом месте очень не везло, не пересядете ли?

Драгомиров, будучи в скверном настроении, ответил:

– Стар, батенька, чтобы задницей счастье искать!

Присутствующие явно усмотрели в этом намек на прошлое Икса и не знали, как отреагировать...»

– Было. Но здесь я, по-видимому, стал жертвой собственной репутации записного остроумца. Я это сказал совершенно без всякого умысла, совсем забыв скользкое прошлое вполне доброжелательного ко мне партнера.

– Будто бы при объезде генерал-губернаторства в каком-то пункте вам представлялась депутация сахарозаводчиков. Один из них назвал какую-то типично еврейскую фамилию и при этом почему-то добавил – православный. Вы же, подав ему руку, якобы ответили: «Драгомиров, тоже не из жидов».

– Да. Кто его за язык дергал – православный так православный. Может быть, он от меня каких-то преференций ждал? Мне же все равно, православный ты или еврей, важно, чтобы честно служил Отечеству.

– Вы будто в 1897 году вместе с жандармским генералом и прокурором посетили молодых людей, арестованных за участие в студенческих беспорядках. И произнесли такую фразу: «Ваша ошибка в том, что вы не видите, что общественный процесс есть процесс органический, а не логический, и ребенок не может родиться раньше чем на девятом месяце».

– Конечно же, я не только это сказал, а произнес целую речь! Но вот видишь, Александр Сергеевич, подтвердилась известная истина: краткость – сестра таланта. Хорошо бы, чтобы если не мои сочинения, то хотя бы эти экспромты напомнили бы потомкам, что жил когда-то такой занятный генерал. Хорошо бы еще, чтобы и сегодняшние бунтовщики и либералы знали эту не такую уж и мудреную истину: нарушая эволюционный, законный процесс, революционеры, сами того не понимая, отбрасывают Отечество назад. С ними нужно решительно бороться, решительно-с!

– Однажды на каком-то рауте генерала Драгомирова, как знатока светского этикета, спросили, как правильно наклонять тарелку при доедании супа – от себя или к себе. «Смотря какой у вас тактический замысел, – ответил Драгомиров. – Если стремитесь облить товарища, наклоняйте от себя. Если есть необходимость облиться самому – наклоняйте к себе...»

– Моя шутка, потом я и сам слышал ее не раз, некоторые остроумцы выдавали ее за свою, – смеясь, сказал генерал. – Странно иногда слышать, каким пустякам люди придают значение...

– Но это еще не все. Говорят, что присутствовавший при этом великий князь Дмитрий Павлович весело рассмеялся, а потом произнес: «Пуля – дура, а Драгомиров – молодец!»

Вы же, не приняв двусмысленного комплимента с намеком на ваш якобы консерватизм, будто бы ответили: «Штык всегда останется молодцом при самой разумной пуле! Штык – символ храбрости, высокого боевого духа, отваги и самопожертвования во имя Отчизны, символ победы!»

– Этого не помню. Если и сочинили, то в мою пользу. Ты-то знаешь, Александр Сергеевич, я никогда не хаял огнестрельное оружие, я только против внедрения недоделок в войска и за правильное применение новшеств. Можно применять винтовку и в кавалерии, но для выстрела нужно спешиться, а не палить в белый свет с седла.

– Драгомирова спросили, что бы он сделал, если бы турки напали на Россию и на следующий день оказались бы под Киевом. Михаил Иванович, недолго думая, снял с пальца обручальное кольцо и предложил собеседнику надеть его на ногу. «Это невозможно!» – «Вот так и невозможно, чтобы турки напали на Россию».

– Запоматывал, но не исключая: люблю наглядные пособия.

– Как-то Николай II решил подшутить над генералом Драгомировым: «Михаил Иванович, отчего нос у вас подозрительно красный?»

При всей свите Драгомиров спокойно ответил: «А это потому, ваше величество, что на старости лет мне от всяких глупых щенков приходится получать щелчки по носу».

– Да, намек – добрым молодцам урок. Но государь наш хорошо воспитан, он и виду не показал, что принял намек на свой счет. А может, и действительно не принял...

– Простите, Михаил Иванович, а это ваше выражение про государя: «Сидеть на престоле – годеен, но стоять во главе России – не способен»?

– Так кто ж тебе правду-то скажет, дорогой мой зять? Особенно в этой ситуации – у паровозных колес тоже есть уши. Но учти, из того, что доходило до меня про меня, – более половины или переврано, или выдуманно. Хорошо хоть, что остроумно...

А у тебя еще много историй? А то я уже спать хочу... Давай последнюю, а остальные отложим до другого случая. Может, на обратном пути, а может, если Бог даст, то и по пути на Дальний Восток. Дорога туда длинная...

– Извините, Михаил Иванович, утомил вас. Последний так последний, но – на злобу дня.

«Один из приверженцев генерала Куропаткина при Драгомирове обозвал японцев макаками. А эти макаки уже успели нанести два поражения русской дальневосточной армии. Драгомиров ответил:

– Не спорю, пусть они и макаки, только мы – кое-каки».

– Да, я так выразился на реплику генерала Сахарова. Только не министра нашего, а его брата Владимира Викторовича, который вскоре отправился на Дальневосточный фронт.

Ну а теперь доброй ночи, дорогой. Спасибо, потешил меня, вот не чаял так не чаял.

* * *

Прямо с поезда Михаил Иванович направился к военному министру Виктору Викторовичу Сахарову и по телефону из его кабинета дал знать о своем приезде Фредериксу, министру двора. Сахаров предложил Драгомирову остановиться у него, но тот отказался.

– Спасибо, Виктор Викторович, дорогой, и прости, но я уж подожду высочайшего приема в салон-вагоне, привык уже. Да, может, и недолго ждать придется...

Прошел, однако, день, второй, а от императора – никаких известий. Настроение Драгомирова стало ухудшаться, а с ним и самочувствие – снова появилась слабость, отяжелели ноги.

Когда на третий день получили уведомление, что государь ждет его 28 февраля в Царском Селе для участия в важном совещании по поводу смещения Куропаткина, Драгомирова оно уже не могло обрадовать. Будучи хорошо знакомым с тонкостями дворцового этикета, Михаил Иванович сразу понял, что царь передумал или его отговорили.

Уезжая в Царское Село, сказал зятю:

– Прикажи собираться – уедем, чую, царских шей не похлебавши.

Лукомский пытался что-то возразить, но Михаил Иванович только рукой махнул.

Николай II при встрече с ним был по-царски предупредителен и любезен. По-царски же сделал вид, будто никакого предложения от него не поступало. На совещание в узком кругу бывший его учитель тактики будто приглашен как большой дока в военном деле и член Государственного Совета. Как говорят, сохранил добрую мину при плохой игре. Все совещание Михаил Иванович просидел не раскрыв рта... Вернулся усталым и разбитым:

– Назначили генерала Линевича...

– Линевича? – удивился Лукомский. – Николай Петрович хороший полковой командир, но командовать миллионной армией в условиях войны? К тому же он непопулярен в войсках и только на восемь лет моложе вас...

Драгомиров лишь недоуменно развел руками:

– Даже Сахаров, министр обороны, не был приглашен на это совещание, представляешь? Думаю, именно он предложил царю мою кандидатуру. А когда тот передумал, Сахаров на совещании ему был бы занозой острой. Вдруг бы выступил за меня... А государь наш споров не любит, ему нужны тишь да гладь, от возражений у него портится настроение...

Лукомский, не выдержав, произнес:

– А что, принять вас заранее и с глазу на глаз сообщить о своем новом решении человеку, которого он так обнадежил и сорвал с места, – это не по-царски?

– Его покойный батюшка так бы и поступил... Впрочем, тот бы не передумал, тот думал раз и навсегда, а кто передумывает, – тут уж, извини, мы люди свои, – тот думать не умеет!

Лукомский сочувственно пожал плечами. А генерал закончил с присущей ему иронией:

– Кроме всего прочего, нынешний государь, видимо, считает, что проявлять слабость, испытывать угрызения совести по поводу личных переживаний какого-то генерала – совсем не царственная слабость. Ум у него государственный, заботы – тоже. Целых три дня на подобные пустяки времени не доставало... Впрочем, иного отношения я от него и не ожидал, да и особых иллюзий насчет нового назначения, как ты знаешь, не питал.

Лукомский уже хорошо знал тестя и понимал, что в душе генерала бушуют гнев и досада, что совершенно естественно, и старик таким способом успокаивает сам себя. А еще он подумал о том, что еще неизвестно, удалось бы Драгомирову переломить ход войны на Дальнем Востоке, слишком уж далеко зашло дело, но новое назначение уж точно продлило бы ему жизнь.

А потом устыдился сам себя: что ж это я хороню его раньше времени?

Совещание в Царском Селе проходило 28 февраля по старому стилю, что подтверждает Николай II в своем дневнике. В ожидании приема у царя генерал Драгомиров, по словам Лукомского, провел в столице три дня – 25, 26 и 27 февраля. Чем же был занят царь в эти дни? Обратимся к его дневнику.

«25 февраля. Пятница. Опять скверные известия с Дальнего Востока. Куропаткин дал себя обойти и уже под напором противника с трех сторон принужден отступить к Телину. Господи, что за неудача.

Имел большой прием. Вечером упаковывали подарки офицерам и солдатам санитарного поезда Аликс на Пасху.

26 февраля. Суббота. Вдвойне грустный день в этом году. В походной церкви была отслужена заупокойная обедня. Завтракали вместе. Принимал доклады. Погулял, было совсем тепло.

27 февраля. Воскресенье. Целый день шел дождь. Были у обедни и завтракали со всеми по-воскресному. Дети почти поправились. У маленького сокровища был сильный жар с кашлем. Гулял. Обедала Ксения».

В своем дневнике в записи от 28 февраля государь был краток...

«Начали говеть в походной церкви... Завтракал д. Алексей. Затем у меня происходило военное совещание по вопросу о Куропаткине. Приняли участие: д. Алексей, Николаша, Драгомиров, гр. Воронцов, Фредерикс, Гессе, Сухомлинов, Рооп и Комаров. Погулял, таяло».

Царь, видимо, полагал, что уже само присутствие отставного генерала на таком важном заседании Государственного Совета вполне оправдывает его срочный вызов в столицу. К тому же, при встрече со стариком он старался быть любезным и предупредительным.

Прощаясь с Драгомировым, Виктор Викторович Сахаров счел нужным извиниться:

– Простите, дорогой Михаил Иванович, только сорвал вас с места. Я и сейчас уверен, что ваше назначение принесло бы пользу кампании и стране. Но что вышло, то вышло...

Драгомиров молча обнял друга, а на прощанье крепко пожал ему руку.

– Ты, Александр Сергеевич, не переживай за меня. У меня есть чем заняться, отвлечься на досуге, – успокоил Драгомиров зятя. – Тем более, ты знаешь, я до конца и не верил в такой подарок судьбы. Когда-то же должно везение кончиться...

Позже появились ложные сведения о том, будто генерал Драгомиров сам отказался от должности главнокомандующего действующей армией. Впрочем, самому Михаилу Ивановичу к наветам было не привыкать. А вот Лукомский с недоброй и несправедливой молвой о нем смириться так и не смог.

* * *

На обратном пути в Конотоп Лукомский вовсю старался отвлечь тестя от размышлений не столько по поводу несостоявшегося назначения, сколько нетактичного поведения императора. Но об анекдотах не вспоминал, да и тесть не напомнил, теперь их проверка была уже не к месту.

Оживился Драгомиров лишь после того, как Александр Сергеевич затронул еще одну большую для него тему, вспомнив о невыполненном поручении генерала:

– Вы знаете, Михаил Иванович, мне так и не удалось пока подобрать вам толкового боевого офицера в качестве помощника по переработке вашего учебника тактики...

Генерал на минуту задумался, а потом спросил:

– Как думаешь, отпустят ли с фронта моего Володю? Лучшего помощника мне и желать не надо... Я уже написал сыну, а также, теперь уже бывшему, командующему Куропаткину...

Владимир Михайлович Драгомиров участвовал в Русско-японской войне с самого ее начала. Первое время в качестве офицера Генерального штаба, а в самом начале года получил под свое командование полк.

– Куропаткин вряд ли вам отказал, впрочем, мы об этом скоро узнаем...

Если честно, Лукомский сомневался в том, что сотрудничество отца и сына в обновлении учебника тактики состоится, если даже Владимир будет отпущен с фронта.

* * *

Взаимоотношения генерала со взрослыми уже сыновьями были сложными, если не сказать напряженными. Причина, как понимал зять генерала, скрывалась в принципах воспитания настоящих мужчин, которые исповедовал генерал Драгомиров в собственной семье. Будучи понимающим и заботливым, а то и мягким командиром в отношении младших чинов, чужих сыновей, с собственными он был чрезмерно строг и бескомпромиссен, требовал от них беспрекословного подчинения своим распоряжениям и даже капризам. И добивался желаемого, пока дети находились в доме, в полной зависимости от отца. Все изменялось, когда сыновья, по семейной традиции выбрав военную стезю, уезжали учиться в Петербург, в Пажеский корпус². В редкие приезды на каникулы всеми способами они старались подчеркнуть свою само-

² Пажеский корпус закончили четверо из семи сыновей генерала – Михаил, Владимир, Абрам и Александр (младший). Александр (старший) скончался в детстве, Иван застрелился, об Андрее известно мало.

стоятельность и состоятельность. Часто спорили с отцом не только по бытовым проблемам, но и по военно-теоретическим. И, как улавливал отец, в этих спорах пользовались выкладками его маститых оппонентов. Однажды Драгомиров даже пожаловался зятю, что сыновья по собственной охоте, а не по заданию преподавателей, едва ли прочли хотя бы один из его теоретических трудов или статью в журнале.

Одним из самых упорных оппонентов отца оказывался именно Владимир. Дискуссии между ними иногда были столь жаркими, что в них даже пыталась вмешаться Софья Абрамовна с надеждой урезонить родных людей. В таких случаях от неумного генерала перепало и жене – мол, занимайся лучше дочерьми. Но, так или иначе, генерал Драгомиров гордился сыновьями: учились они успешно, под стать ему самому, были кристально честными по отношению к себе командирами подчиненным, преданными отечеству и быстро продвигались по службе.

Поэтому неслучайно, что все сыновья Драгомирова, за исключением умершего в 1911 году Михаила, во время Гражданской войны, не нарушив присягу, оказались на руководящих постах в рядах Белого движения. В Белой армии воевал не только генерал Лукомский, но и другой зять Михаила Ивановича, муж старшей дочери Екатерины, граф Дмитрий Федорович Гейден.

Видимо, поэтому в советские времена о генерале Драгомирове, крупнейшем военачальнике, известнейшем когда-то военном теоретике и писателе, по меньшей мере старались забыть, если не находили мало-мальски уместного повода отозваться критически. А ведь сам Михаил Иванович сыновей в Белую гвардию не снаряжал по вполне уважительной причине. Впрочем, логика у советских наследников большевиков прослеживается – патриот России генерал Драгомиров и своих детей воспитал преданными стране и верными присяге. Такими, что выбора, под какими знаменами воевать в Гражданской войне, у них не было.

* * *

Полковник Владимир Драгомиров унаследовал военно-стратегический талант Михаила Ивановича, но, может, именно поэтому чаще братьев оппонировал ему. Очень тревожился о том, будто многие посчитают, что свою успешную карьеру он сделал не без протекции своего знаменитого отца. Тревога эта воплощалась в рвении по службе и соответственно в успешной карьере, в которой никто и при желании не смог бы увидеть не только поддерживающей руки, но даже пальца. В той или иной степени такая позиция по отношению к отцу-командующему была характерна и для других сыновей Михаила Ивановича, выбравших военную стезю. Да и сам Лукомский, став зятем командующего, в исполнении служебного долга постоянно старался перепрыгнуть себя самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.